Лb126 157

Л6126 157

С. И. 2

ОТЗЫВЪ О СОЧИНЕНІИ К. ХАРЛАМПОВИЧА:

„Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви".

Рецензія

Пл. Жуковича,
экстраординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи.

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о XLII присужденіи наградъ графа Уварова».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

И

Л 6126 157

185/g

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

1141720 V М

Отзывъ о представленномъ на Уваровскую премію сочиненіи К. Харламповича:

„Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви". Казань, 1898.

Рецензія экстраординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Пл. Жуковича.

Г. Харламповичъ въ своемъ изслѣдованіи занимается не однѣми только православными западно-русскими школами, но и школами всѣхъ иныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, существовавшими въ XVI и началѣ XVII вѣка въ предѣлахъ Западной Россіи. Изъ четырехъ отдѣловъ его сочиненія первый посвященъ римско-католическимъ школамъ, второй — протестантскимъ, третій — православнымъ и четвертый—уніатскимъ. Авторъ не исключилъ изъ своего изслѣдованія и тѣхъ немногихъ школъ его эпохи, которыя не принадлежали ни къ какому вѣроисповѣдному типу. Всѣ эти разнообразныя школы г. Харламповичъ старался изучить по одной и той же программѣ, насколько это ему позволяли его научныя средства.

Г. Харламповичъ широко раздвинулъ рамки своего изслѣдованія и въ другомъ отношеніи. Территорію подлежавшихъ его изученію школъ онъ не ограничилъ предѣлами великаго княжества литовскаго и южно-русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ собственно польскаго королевства въ 1569 г. Онъ изучалъ школы и въ мѣстахъ самыхъ раннихъ польскихъ политическихъ захватовъ русскихъ земель — въ Галичинѣ, въ Холмщинѣ, въ Подляшьѣ, даже отчасти въ Люблинскомъ воеводствѣ. Вообще онъ старался изучить свой предметъ въ предѣлахъ всего русскаго этнографическаго элемента въ литовско-польскомъ государствѣ, даже и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ

372/6

этотъ элементъ далеко не былъ уже сплошнымъ, гдѣ онъ былъ въ большей или меньшей степени разрѣженъ польскимъ элементомъ, или только еще пролагалъ себѣ путь въ область литовскаго этнографическаго элемента. Авторъ и всю территорію этнографической Литвы включилъ въ границы своего изслѣдованія.

Хронологически г. Харламповичъ довелъ свое изученіе до 1633 г., до избранія на польскій престолъ Владислава IV. Только изрѣдка переступаетъ онъ эту грань, въ видахъ уясненія предыдущаго послѣдующимъ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда за этою гранью уже виденъ близкій конецъ того или другого изслѣдуемаго имъ школьнаго явленія. Но для начала изслѣдованія у г. Харламповича точной хронологической грани не было и не могло быть. Исторію школъ каждаго типа ему приходилось начинать со времени первыхъ достовѣрныхъ извѣстій о нихъ. Въ книгѣ г. Харламповича мы находимъ опытъ исторіи самаго зарожденія на изслѣдуемой имъ территоріи римско-католической и православной школы.

Вообще г. Харламповичъ широко раздвинулъ рамки своего изслѣдованія во всѣ стороны. Эта широта горизонта его вызывалась своего рода необходимостью и послужила во всякомъ случаѣ къ пользѣ дѣла. Для прочности выводовъ его о количественной и качественной сторонѣ западно-русскаго школьнаго дѣла въ XVI и началѣ XVII вѣка не могло не имѣть существеннаго значенія и уясненіе имъ сравнительной давности тѣхъ или иныхъ школьныхъ вліяній и ихъ результатовъ, и привлеченіе имъ къ дѣлу своего изученія возможно большаго количества школъ всѣхъ типовъ.

Первый отдѣлъ сочиненія г. Харламповича (о римско-католическихъ школахъ) состоитъ изъ пяти главъ. Изъ нихъ первая глава посвящена школамъ каѳедральнымъ и приходскимъ, вторая глава — внѣшней исторіи іезуитскихъ школъ, третья глава — внутренней организаціи іезуитскихъ школъ, четвертая глава — духовнымъ семинаріямъ, пятая глава — Замостской академіи.

Послѣ общихъ свѣдѣній о первомъ появленіи латинскихъ школъ въ Западной Россіи (со второй половины XIV вѣка) и дальнѣйшемъ ихъ развитіи, особенно со второй четверти XVI вѣка[1]), авторъ излагаетъ болѣе подробно исторію виленской и львовской каѳедральныхъ школъ, впервые

1) Для исторіи развитія латинскихъ школъ на русской территоріи съ XVI в. авторъ пользуется, между прочимъ, постановленіями польскихъ провинціальныхъ синодовъ, говоря, что на этихъ синодахъ присутствовали и представители латинскаго духовенства русскихъ земель. Но едва ли всегда и всѣ постановленія школьнаго характера этихъ синодовъ имѣли примѣненіе въ Западной Руси, въ виду того, что отношеніе латинскихъ епископовъ львовской архіепископіи къ синодамъ гнѣзненской архіепископіи было иное, чѣмъ епископовъ этой послѣдней, а отношеніе къ этимъ синодамъ виленскаго, жмудскаго и кіевскаго латинскихъ епископовъ — еще иное.

пользуясь для исторіи виленской школы недавно изданнымъ «Описаніемъ рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки» (именно помѣщенными здѣсь выписями изъ протоколовъ виленскаго каѳедральнаго капитула), а для исторіи львовской школы — львовскими Akta grodzkie i ziemskie и рукописной Leopoliensis Archiepiscopatus historia Іозефовича (рукопись Спб. Имп. Публ. Библ.). Объ остальныхъ каѳедральныхъ школахъ онъ сообщаетъ лишь краткія свѣдѣнія, или говоря точнѣе — доказываетъ лишь фактъ существованія ихъ на основаніи случайныхъ упоминаній о нихъ въ историческихъ актахъ (напр. въ доказательство существованія мѣдницкой, или жмудской каѳедральной школы, приводя единственное свидѣтельство изъ рукописныхъ Constitutiones Ecclesiae Mednicensis — рук. Спб. Имп. Публ. Библ.). Только исторію олыкской коллегіатской школы, имѣвшей для луцкой епархіи значеніе каѳедральной, г. Харламповичъ имѣлъ возможность изложить болѣе подробно, благодаря спеціальной о ней монографіи еп. Сымона. Для исторіи красноставской каѳедральной школы холмской римско-католической епархіи онъ могъ бы воспользоваться нѣсколькими документами о ней, напечатанными въ изданіи проф. Вержбовскаго — Uchansciana.

Переходя къ исторіи римско-католическихъ парохіальныхъ, или приходскихъ, школъ, авторъ прежде всего даетъ перечень этихъ школъ въ эпоху, предшествовавшую прибытію іезуитовъ въ Западную Русь, и въ эпоху, послѣдовавшую за ихъ прибытіемъ. Случайно, въ одномъ документѣ, принадлежащемъ нынѣ православной семятичской церкви (Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губ.), ему удалось встрѣтить указаніе на существованіе въ 1513 г. римско-католической приходской школы въ м. Семятичахъ [послѣ указанія Ярошевича (Obraz Litwy) на таурогенскую школу подъ 1507 г. это наиболѣе древнее указаніе этого рода]. Затѣмъ авторъ говоритъ о внутреннемъ устройствѣ римско-католическихъ приходскихъ школъ, объ учебномъ ихъ строѣ (пользуясь, впрочемъ, для этого «Планомъ», выработаннымъ краковскимъ университетомъ уже въ 1612 г.), объ изученіи въ нихъ языковъ (авторъ доказываетъ на основаніи извѣстнаго свидѣтельства Михалона Литвина, подкрѣпляемаго имъ разными косвенными соображеніями, что русскій языкъ въ этихъ школахъ бывалъ по мѣстамъ языкомъ преподаванія), о другихъ учебныхъ въ нихъ предметахъ, объ учебныхъ книгахъ (подробно объ учебныхъ книгахъ по ариѳметикѣ), о религіозномъ обученіи въ нихъ (о катихизисахъ), о воспитательной въ нихъ части, о средствахъ содержанія учителей и учениковъ. Заканчивается I глава упоминаніемъ о двухъ загадочныхъ школахъ, не относящихся собственно къ разряду римско-католическихъ конфессіональныхъ училищъ,—о кіевской школѣ, устроенной генуэзцами, и виленской юридической школѣ Роизія.

Во II главѣ, посвященной внѣшней исторіи іезуитскихъ школъ, г. Харламповичъ, послѣ предварительныхъ свѣдѣній о проникновеніи іезуитовъ въ Западную Русь и о первыхъ ихъ успѣхахъ въ ней, старается выяснить степень участія правительства, римско-католическихъ епископовъ съ капитулами и польской и ополячившейся литовско-русской аристократіи въ фактическомъ водвореніи іезуитовъ на западно-русской территоріи. Признавая всю силу личнаго вліянія въ данномъ случаѣ королей Стефана Баторія и Сигизмунда III, авторъ утверждаетъ, что насколько дѣло водворенія іезуитовъ требовало матеріальныхъ затратъ, оно двинуто было впередъ собственно епископами и особенно ревнителями римско-католической вѣры изъ среды литовско-русской ополячившейся аристократіи. Разсказанная авторомъ въ этой же главѣ исторія устройства и развитія каждой въ отдѣльности іезуитской школы вполнѣ подтверждаетъ это основное его положеніе. Для составленія самой исторіи іезуитскихъ западно-русскихъ школъ онъ, между прочимъ, самостоятельно изучилъ всѣ Annuae litterae societatis Iesu, какія только могъ найти въ С.-Петербургской Императорской и Виленской публичныхъ библіотекахъ (этихъ годичныхъ іезуитскихъ отчетовъ оказалось значительное число въ этихъ библіотекахъ), а также воспользовался краковскимъ іезуитскимъ Діаріемъ Велевицкаго (напечатаннымъ въ Scriptores Rerum Polonicarum, t. VII, X, XIV). Главное вниманіе тутъ обращено авторомъ, какъ и слѣдовало ожидать, на виленскую іезуитскую коллегію, уже въ 1578 г. преобразованную въ академію. Вопреки общепринятому мнѣнію, г. Харламповичъ думаетъ, что не столько желаніе затормозить успѣхи протестантства, сколько любовь къ наукамъ побудила виленскаго римско-католическаго епископа Валеріана Протасевича призвать въ Вильну іезуитовъ (мысль, свидѣтельствующая о безпристрастіи, даже щепетильности нашего автора, но обоснованная у него лишь ссылкой на фундушевую запись самого Протасевича на іезуитскую виленскую коллегію). Авторъ не только подробно разсказываетъ исторію постепеннаго, матеріальнаго и моральнаго, роста виленской коллегіи или академіи, но и сообщаетъ свѣдѣнія о состоявшихъ при ней учрежденіяхъ — бурсахъ для воспитанниковъ, библіотекѣ, типографіи, а также объ ея ректорахъ и профессорахъ. Точныя и довольно подробныя свѣдѣнія сообщаются авторомъ также объ іезуитскихъ коллегіяхъ — ярославской, люблинской, львовской, луцкой, нѣсвижской и полоцкой. Въ исторію полоцкой коллегіи авторъ внесъ нѣсколько данныхъ изъ нашихъ русскихъ археографическихъ изданій. Для исторіи львовской и нѣсвижской коллегій онъ воспользовался нѣсколькими данными изъ рукописей Имп. Публ. Библ. Особенно полезными для него оказались хранящіяся въ этой библіотекѣ копіи писемъ извѣстнаго ревнителя іезуитскаго образованія (впослѣдствіи, какъ оказывается изъ этихъ писемъ, нѣ-

сколько разочаровавшагося въ немъ) Николая-Христофора Радивила Сиротки, трокскаго, а потомъ виленскаго воеводы[1]). Объ остальныхъ тринадцати іезуитскихъ школахъ, существовавшихъ на западно-русской территоріи въ интересовавшую его эпоху, г. Харламповичъ могъ сообщить только немногія отрывочныя свѣдѣнія[2]).

Въ своемъ изображеніи внутренней организаціи іезуитскихъ школъ (въ III гл.) г. Харламповичъ слѣдитъ по преимуществу за примѣненіемъ въ іезуитскихъ школахъ Западной Руси общепринятаго тогда повсюду у іезуитовъ учебно-воспитательнаго плана (Ratio et institutio Studiorum Societatis Iesu, составленнаго въ восполненіе Лойоловскаго педагогическаго устава). На основаніи этого учебно-воспитательнаго плана онъ обрисовываетъ въ подробностяхъ учебный строй іезуитскихъ школъ, дѣленіе ихъ на классы, планъ наукъ, отмѣчая тотъ фактъ, что у іезуитовъ Западной Россіи только въ Вильнѣ были высшіе курсы наукъ (философскій курсъ), въ другихъ же мѣстахъ проходились только низшніе курсы, да и то разной учебной высоты. Та или другая учебная высота іезуитской школы находилась въ строго-опредѣленной зависимости отъ пожертвованныхъ на нее благотворителями, вполнѣ вѣрныхъ и постоянныхъ, матеріальныхъ средствъ. Говоря объ изученіи языковъ въ западно-русскихъ іезуитскихъ школахъ, авторъ тщательно подбираетъ встрѣченныя имъ въ источникахъ извѣстія о преподаваніи въ нихъ народныхъ языковъ (между прочимъ русскаго — въ полоцкой и луцкой коллегіяхъ). Авторъ констатируетъ фактъ слабости религіознаго научнаго образованія и въ западно-русскихъ іезуитскихъ школахъ (гимназіяхъ). О постановкѣ богословской науки въ западно-русскихъ іезуитскихъ школахъ ему пришлось говорить только въ отношеніи къ виленской коллегіи: въ ней одной былъ высшій философскій курсъ наукъ и потому возможно было преподаваніе богословскихъ наукъ. На основаніи одной рукописи Имп. Публ. Библ. онъ между прочимъ указываетъ на преподаваніе въ ней гомилетики, неположенной по общему іезуитскому плану. Въ своихъ сообщеніяхъ о воспитательной части въ западно-русскихъ іезуитскихъ школахъ авторъ представилъ также вполнѣ достаточныя данныя для сужденія какъ о примѣненіи общихъ іезуитскихъ педагогическихъ правилъ

1) Пользуемся случаемъ заявить, что въ Имп. Публ. Библ. находятся и подлинники писемъ Николая-Христофора Радивила (Собраніе автографовъ Имп. Публ. Библ., № 238).

2) Для будущихъ историковъ іезуитскаго образованія въ Западной Россіи считаемъ полезнымъ упомянуть, что нѣкоторые матеріалы для него намъ пришлось видѣть въ Варшавѣ въ Коронной Метрикѣ, именно въ книгѣ 139 для исторіи виленской, ярославской, люблинской, каменецъ-подольской коллегій, въ книгѣ 152 — для исторіи львовской коллегіи, въ книгѣ 153 — для исторіи луцкой коллегіи, въ книгѣ 173 — для исторіи перемышльской коллегіи, въ книгѣ 167 — для исторіи люблинской коллегіи. Въ книгахъ Коронной Метрики много документовъ относительно іезуита Скарги. Въ Литовской Метрикѣ мы видѣли немало документовъ относительно полоцкой іезуитской коллегіи.

въ этихъ школахъ, такъ и о практическихъ результатахъ этого примѣненія. Глава оканчивается общимъ сужденіемъ о достоинствахъ и недостаткахъ іезуитской учебно-воспитательной системы въ ея западно-русскомъ примѣненіи, — сужденіемъ серьезнымъ, всестороннимъ и безпристрастнымъ. Можно бы только пожелать, чтобы для оцѣнки іезуитской учебно-воспитательной системы и ея результатовъ, кромѣ переписки современныхъ литовско-русскихъ общественныхъ дѣятелей и политической литературы того времени, авторъ воспользовался еще выраженіемъ литовско-русскаго общественнаго мнѣнія по іезуитскому вопросу въ сеймовой борьбѣ во время извѣстнаго рокоша Зебжидовскаго и въ предрокошевую эпоху. Въ 1606 г., напр., весь сендомірскій генеральный съѣздъ требовалъ, чтобы іезуитамъ на территоріи Западной Россіи разрѣшено было имѣть коллегіи только въ немногихъ опредѣленныхъ пунктахъ.

Въ небольшой главѣ (IV гл.) о латинскихъ духовныхъ семинаріяхъ г. Харламповичъ излагаетъ исторію открытія и устройства (по плану тридентскаго собора) двухъ семинарій — виленской и жмудской (въ Ворняхъ). Для исторіи этихъ семинарій онъ нашелъ новые матеріалы въ упомянутомъ выше «Описаніи рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки». Въ другихъ западно-русскихъ латинскихъ епархіяхъ духовныхъ семинарій не существовало въ интересовавшую автора эпоху.

Переходя отъ латинскихъ школъ къ протестантскимъ, г. Харламповичъ счелъ умѣстнымъ въ промежуткѣ между ними помѣстить главу (V гл.) о Замостской академіи, не принадлежавшей къ числу учебныхъ заведеній конфессіональнаго типа (въ ней богословіе даже совсѣмъ не преподавалось въ началѣ XVII в.). Излагая внѣшнюю исторію этой академіи, авторъ касается вопроса объ отношеніи основателя ея, канцлера Яна Замойскаго къ іезуитамъ, которыхъ онъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не пустилъ въ свою академію. Авторъ совершенно справедливо охлажденіе Замойскаго къ іезуитамъ объясняетъ политическими мотивами. Но указываемые имъ политическіе мотивы этого охлажденія не достаточно опредѣленны. Для болѣе точнаго объясненія причинъ этого охлажденія автору было бы полезно ознакомиться съ польской литературой, посвященной предрокошевой эпохѣ, въ которой и пришлось знаменитому канцлеру столкнуться съ іезуитами, — политическими руководителями Сигизмунда III. Вмѣстѣ съ внѣшней исторіей Замостской академіи авторъ описываетъ достаточно выясненное въ польской исторической литературѣ оригинальное внутреннее ея устройство, говоритъ объ ученыхъ дѣятеляхъ ея и пр. Хотя Замостская академія находилась на самомъ краю русскаго міра и была вполнѣ польскимъ учебнымъ заведеніемъ, противъ небольшой главы о ней въ книгѣ г. Харламповича едва ли можно возражать, въ виду того, что она имѣла нѣкоторое отно-

шеніе и къ западно-русскимъ православнымъ школамъ: въ ней учились нѣкоторые, и притомъ видные, дѣятели перваго періода кіево-могилинской коллегіи. Въ нашей русской исторической литературѣ къ тому же о Замостской академіи не имѣется почти никакихъ свѣдѣній.

Протестантскимъ школамъ г. Харламповичъ посвятилъ двѣ главы. Въ одной изъ нихъ (VI гл.) онъ обозрѣваетъ внѣшнюю судьбу протестантскихъ школъ на западно-русской территоріи, въ другой (VII гл.) занимается внутренней организаціей ихъ.

Авторъ хорошо сдѣлалъ, что не сталъ утомлять читателя изложеніемъ въ своемъ сочиненіи общей исторіи реформаціи въ предѣлахъ литовско-польскаго государства (на эту тему существуетъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій). Пользуясь добытыми наукой результатами, онъ указываетъ тутъ только и выясняетъ сравнительные успѣхи разныхъ вѣтвей протестантства на западно-русской почвѣ. Для нашего автора, въ виду его спеціальныхъ задачъ, опредѣленіе этихъ сравнительныхъ успѣховъ ихъ имѣло существенное значеніе, потому что съ этими успѣхами самымъ тѣснымъ образомъ связано было развитіе школьнаго дѣла въ предѣлахъ того или другого протестантскаго вѣроисповѣданія. Наименьшій успѣхъ въ Литвѣ и Западной Руси, какъ и въ собственно Польшѣ, имѣло лютеранское вѣроисповѣданіе, и число школъ этого вѣроисповѣданія было самое незначительное. Г. Харламповичъ пишетъ, что о лютеранскихъ школахъ въ Западной Руси, кромѣ виленской, можно говорить только предположительно. Несравненно большій успѣхъ имѣло реформатское, или кальвинское вѣроисповѣданіе, и число школъ этого вѣроисповѣданія было гораздо больше. Изъ высшихъ кальвинскихъ школъ (гимназій) г. Харламповичъ больше всего останавливается на виленской школѣ, отразившей въ своей судьбѣ до извѣстной степени всю исторію кальвинизма въ Литвѣ, сообщаетъ свѣдѣнія и о другихъ кальвинскихъ гимназіяхъ — биржанской, кейданской, слуцкой, паневецкой, перечисляетъ наконецъ низшія кальвинскія училища. Социніанство имѣло въ Южной Россіи не меньшій успѣхъ, чѣмъ кальвинизмъ, и число школъ его также было не менѣе значительно. Отмѣтивши фактъ превращенія нѣкоторыхъ кальвинскихъ школъ въ социніанскія, г. Харламповичъ передаетъ важнѣйшіе историческіе факты изъ жизни любартовской, киселинской, гощской и др. социніанскихъ школъ. Общее сужденіе г. Харламповича о протестантскомъ просвѣщеніи въ Западной Россіи — то, что оно въ Литвѣ и Руси было вообще ниже пріобрѣтенной имъ и установившейся за нимъ славы, что въ частности литовскіе и западно-русскіе протестанты, какъ и іезуиты, мало заботились о просвѣщеніи народа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но ограничивая нѣсколько размѣры протестантскаго просвѣтительно-школьнаго движенія, онъ со всей силой признаетъ важные жизненные ре-

зультаты этого движенія, и самого въ себѣ, и со стороны его вліянія на подъемъ католическаго и православнаго школьнаго дѣла.

Изучая внутреннюю организацію западно-русскихъ протестантскихъ школъ, г. Харламповичъ правильно поступилъ, поставивши ихъ съ этой стороны въ связь не съ мѣстными, до нихъ существовавшими, римско-католическими школами, а съ протестантскими германскими школами. Реформація выработала свою особую школьную систему сообразно съ основными ея началами вообще, и переходъ этой системы въ Польшу, Литву и Западную Русь совершился тѣмъ легче, что организаторами западно-русскихъ протестантскихъ школъ были по большей части люди, учившіеся въ нѣмецкихъ протестантскихъ университетахъ. Но данныхъ для обрисовки внутренней организаціи западно-русскихъ протестантскихъ школъ у г. Харламповича оказалось не совсѣмъ достаточно. Такъ, для изображенія внутренняго строя лютеранскихъ школъ ему пришлось удовлетвориться сравнительно позднимъ (1648 г.) уставомъ лютеранской виленской школы (найденнымъ имъ въ ея архивѣ). И о нѣкоторыхъ сторонахъ внутренней организаціи западно-русскихъ кальвинскихъ и социніанскихъ школъ приходилось ему судить по аналогіи съ порядками пинчовской (польской) гимназіи. Но вообще, благодаря большему количеству данныхъ, внутренняя организація этихъ послѣднихъ могла быть изложена съ гораздо большей полнотой, чѣмъ лютеранскихъ школъ. Авторъ ярко обрисовываетъ тутъ общій строго-конфессіональный характеръ этихъ школъ, знакомитъ съ учебной ихъ программой и внутренней администраціей. Особенно интересны по своей новизнѣ его сообщенія и сужденія о національномъ элементѣ въ этихъ школахъ, въ частности о преподаваніи въ нихъ русскаго языка. Въ отдѣлѣ учебныхъ книгъ, употреблявшихся въ протестантскихъ школахъ, особенный интересъ представляютъ сообщенія автора о кальвинскомъ катихизисѣ на русскомъ языкѣ Симона Буднаго и вообще объ изданіяхъ западно-русскихъ протестантовъ на русскомъ языкѣ.

При составленіи главъ, посвященныхъ латинскимъ и протестантскимъ школамъ въ Западной Россіи, г. Харламповичъ имѣлъ подъ руками польскіе опыты систематизаціи историческихъ свѣдѣній о нихъ. Это прежде всего извѣстная спеціальная работа Лукашевича Historya szkól u Koronie i Wielkim Księstwie Litewskim od najdawnieyszych czasów aż do roku 1794 (t. I—IV, Poznań, 1849—1851), особенно важная для исторіи школъ протестантскихъ. О латинскихъ школахъ, кромѣ того, онъ нашелъ рядъ болѣе или менѣе систематизированныхъ свѣдѣній у Ярошевича (Obraz Litwy pod wzgledęm jej cywilizacyi, t. II—III, 1844—1845) Балинскаго (Dawna Akademia Wileńska, 1862), отчасти у Нарбута (Dzieje starożytne narodu Litewskiego, t. VIII, IX, 1840), Крашевскаго (Wilno od początkow iego do

roku 1750 t. I—IV 1844—1845). Но эти польскіе опыты, въ томъ числѣ и «Исторія школъ» Лукашевича появились въ печати сравнительно уже давно, назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ, или около того. Изъ позднѣйшихъ польскихъ писателей только у одного Буковскаго (Dzieje refomacyi w Polsce, I, 1883, Krakow) г. Харламповичъ кое-чѣмъ воспользовался для своей цѣли въ болѣе или менѣе значительномъ размѣрѣ. Въ виду всего этого, исторія латинскихъ и протестантскихъ школъ въ Западной Россіи давно нуждалась, и не въ нашей только русской литературѣ (въ ней до сихъ поръ на эти школы совсѣмъ почти не обращалось вниманія), но и вообще, въ поправкахъ и восполненіяхъ на основѣ новыхъ, въ послѣднія десятилѣтія оглашенныхъ печатью, данныхъ объ этихъ школахъ.

Для составленнаго имъ историческаго очерка римско-католическихъ, протестантскихъ и иныхъ школъ въ Западной Россіи г. Харламповичъ прежде всего вновь внимательно пересмотрѣлъ доступную ему старую польскую (католическую и протестантскую) литературу, изъ которой можно было извлечь такіе или иные факты по исторіи интересовавшаго его школьнаго вопроса, въ томъ числѣ столь важные напр. для исторіи іезуитскихъ школъ Annuae Litterae за многіе годы. Особенное вниманіе, въ виду своей спеціальной цѣли, онъ обратилъ при этомъ на ознакомленіе съ учебными книгами въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Виленской Публичной Библіотекѣ, въ библіотекѣ С.-Петербургской римско-католической академіи. Нѣкоторые пропуски въ польской литературѣ были неизбѣжны, какъ по крайней разбросанности матеріаловъ, такъ и по невозможности отыскать ихъ, даже въ Петербургѣ и Вильнѣ. Затѣмъ онъ ввелъ въ общій научный оборотъ тѣ новыя фактическія данныя о западнорусскихъ инославныхъ школахъ, которыя появились въ печати въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Наиболѣе цѣнныя данныя извлечены имъ изъ русскихъ археографическихъ изданій этого времени. Наконецъ нѣкоторыя новыя дополнительныя свѣдѣнія объ инославныхъ школахъ заимствовалъ онъ и изъ рукописныхъ матеріаловъ (въ здѣшней Имп. Публ. Библ.). Въ общемъ г. Харламповичъ въ своемъ трудѣ далъ историческій очеркъ инославныхъ западно-русскихъ школъ, восполненный съ фактической стороны нѣкоторыми новыми данными по сравненію съ предыдущими научно-историческими опытами.

Внимательный пересмотръ старой и позднѣйшей исторической литературы о католическихъ и протестантскихъ школахъ, вмѣстѣ съ оказавшимися въ его распоряженіи новыми матеріалами, создалъ для г. Харламповича возможность освѣтить нѣкоторые пункты занимавшаго его историческаго явленія съ новой стороны, особенно въ отдѣлахъ, посвященныхъ внутреннему устройству школъ и оцѣнкѣ ихъ значенія. И въ тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ онъ, въ силу необходимости, стоитъ съ фактической стороны въ довольно сильной зависимости отъ своихъ предшественниковъ (больше всего, отъ Лукашевича въ отдѣлахъ о протестантскихъ школахъ), онъ сохраняетъ самостоятельность — общаго своего сужденія, именно благодаря хорошей освѣдомленности своей со всѣми остальными, доступными ему, источниками и пособіями. Общая точка зрѣнія его на дѣло — трезвая, спокойная, осторожная. Въ его сочиненіи нѣтъ ни преувеличенныхъ обвиненій заднимъ числомъ, ни намѣренно сгущенныхъ, свѣтлыхъ или темныхъ, красокъ. У всѣхъ инославныхъ школъ, подъ какими бы флагами онѣ ни выступали на западно-русской почвѣ, — онъ старается прежде всего подмѣтить и указать добрые плоды ихъ дѣятельности. Вообще разсматриваемый нами первый опытъ изученія русскимъ ученымъ католическихъ и протестантскихъ западно-русскихъ школъ не вноситъ никакихъ ненаучныхъ тенденцій въ этотъ смежный уголокъ русской и польской исторіи.

Написанный г. Харламповичемъ историческій очеркъ латинскихъ и протестантскихъ школъ западно-русскихъ живо возсоздаетъ передъ читателемъ его книги ту школьно-просвѣтительную историческую обстановку, среди которой въ послѣдней четверти XVI вѣка произошелъ знаменательный внутренній религіозный подъемъ въ западно-русской православной церкви и, какъ его результатъ, народилась въ ней новая православная русская школа. Только близкое знакомство со всѣми другими школами, существовавшими въ XVI в. на западно-русской территоріи, и могло дать автору научное право высказаться по вопросу объ относительной силѣ каждаго изъ тѣхъ школьно-просвѣтительныхъ вліяній, подъ воздѣйствіемъ которыхъ совершилось на русскомъ западѣ зарожденіе нашей русской школы вообще.

Польская литература, не исключая и Лукашевича, для исторіи православныхъ западно-русскихъ школъ XVI и начала XVII вѣка не даетъ почти ничего. Въ русской исторической литературѣ наиболѣе полный сводъ историческихъ данныхъ о западно-русскихъ православныхъ школахъ находится въ Исторіи Русской Церкви митр. Макарія (т. IX—XI) и въ извѣстныхъ трудахъ проф. С. Т. Голубева «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила» (т. I, Кіевъ, 1883) и «Исторія Кіевской Духовной Академіи» (вып. I, Кіевъ, 1886). Не говоря уже о многочисленныхъ документахъ, приложенныхъ къ этимъ сочиненіямъ проф. Голубева, въ послѣднемъ изъ поименованныхъ сочиненій его дано рѣшеніе цѣлаго ряда существенныхъ вопросовъ по исторіи не одной кіевской, но и вообще православныхъ западно-русскихъ школъ. Особенно важна для исторіи самого учебнаго дѣла третья глава этого сочиненія. Но ни митр. Макарій, ни проф. Голубевъ не задавались цѣлью написать систематическую исторію западно-русской православной школы XVI и начала XVII вѣка. А между тѣмъ и время для этого

пришло, и научная возможность, по моему мнѣнію, уже наступила. Главной задачей г. Харламповича въ его историческомъ очеркѣ православныхъ западно-русскихъ школъ было, само собой разумѣется, стремленіе дать общій сводъ фактическихъ данныхъ и научныхъ сужденій относительно всѣхъ сторонъ церковно-школьнаго православнаго дѣла въ Западной Россіи въ интересовавшую его эпоху. Эта задача, предлежавшая нашему автору, сама по себѣ не столь благодарная, какъ строго-спеціальныя работы въ рѣзко очерченныхъ границахъ опредѣленной частной темы. Но во всякомъ случаѣ онъ взялъ на себя дѣло, сдѣлать которое несомнѣнно настала пора... Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи мы постараемся показать, какія трудности при исполненіи этого дѣла пришлось г. Харламповичу преодолѣвать и съ какимъ успѣхомъ справился онъ со своей основной задачей. Теперь же считаемъ нужнымъ сразу оговориться, что однимъ подведеніемъ итоговъ работа нашего автора далеко не исчерпывается. По многимъ пунктамъ исторіи, особенно внутренней, западно-русскихъ православныхъ школъ ему пришлось самому сдѣлаться спеціалистомъ въ полномъ значеніи этого слова.

Отдѣлъ о православныхъ школахъ въ сочиненіи г. Харламповича открывается главой (VIII гл.) о православномъ просвѣщеніи въ Западной Россіи до учрежденія острожской и братскихъ школъ и объ обстоятельствахъ, обусловливавшихъ появленіе ихъ. Сообщивши нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи православно-школьнаго дѣла въ Западной Руси до начала XVI в. (установивши между прочимъ документально фактъ существованія нѣсколькихъ православныхъ западно-русскихъ школъ еще въ эту эпоху), авторъ останавливается болѣе подробно на положеніи этого дѣла въ XVI вѣкѣ, именно до начала восьмидесятыхъ годовъ этого вѣка. Онъ сообщаетъ тутъ данныя о распространеніи грамотности среди разныхъ классовъ западно-русскаго православнаго населенія — бѣлаго и монашествующаго духовенства, дворянства, мѣщанства и крестьянства (относительно крестьянства сужденіе его впрочемъ тутъ недостаточно обоснованное). Особенно интересны приведенныя имъ тутъ историческія свидѣтельства объ отдѣльныхъ церковно-приходскихъ и монастырскихъ западно-русскихъ школахъ. Тутъ же наконецъ онъ сообщаетъ кое-что объ общемъ характерѣ этихъ школъ, объ ихъ учителяхъ, объ учебныхъ предметахъ и книгахъ. Г. Харламповичъ довольно успѣшно опровергаетъ тутъ, самымъ изложеніемъ дѣла, крайніе пессимистическіе взгляды на западно-русское просвѣщеніе этой эпохи, доказывая историческими свидѣтельствами относительную грамотность въ эту эпоху Западной Руси и существованіе въ ней школъ, хотя бы только и низшихъ.

Вообще, общій очеркъ западно-русскаго православнаго просвѣщенія стараго типа, представленный тутъ г. Харламповичемъ, несмотря на

его краткость (обусловленную состояніемъ источниковъ), производитъ благопріятное для автора впечатлѣніе по возможной полнотѣ обработаннаго матеріала и по умѣлой его группировкѣ. Въ этомъ отношеніи трудъ автора несомнѣнно заполняетъ нѣкоторый пробѣлъ въ исторической литературѣ.

Указавши затѣмъ на недостаточность, въ виду новыхъ запросовъ времени, общаго и религіознаго образованія, которое давалось старыми западно-русскими православными школами, г. Харламповичъ переходитъ къ изображенію того внутренняго подъема религіозныхъ и интеллектуальныхъ силъ въ западно-русскомъ народѣ, благодаря которому, несмотря на все напряженіе усилій іезуитовъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, и протестантовъ, опиравшихся на свои просвѣтительныя средства, побѣда римско-католичества выразилась лишь уніей, а не полнымъ совращеніемъ въ латинство, а побѣда протестантства лишь отдѣльными совращеніями, а не уніей съ нимъ. Тутъ автору пришлось натолкнуться на весьма сложный вопросъ о значеніи въ этомъ подъемѣ всѣхъ тѣхъ просвѣтительныхъ вліяній, которымъ подверглась во второй половинѣ XVI вѣка православная Западная Русь. Авторъ справился умѣло со своей нелегкой въ данномъ случаѣ задачей, вѣрно схвативши характеристическія черты каждаго изъ этихъ вліяній и выяснивши въ связи съ общими историческими обстоятельствами степень относительной силы каждаго изъ нихъ — польской культуры, латинской и протестантской стихій, московскаго и греческаго (восточнаго) просвѣтительныхъ теченій. Въ виду существующаго въ исторической литературѣ отрицательнаго отношенія къ двумъ послѣднимъ просвѣтительнымъ вліяніямъ, авторъ постарался изучить ихъ возможно тщательнымъ образомъ, и трудъ нашего автора даромъ не пропалъ. Можно считать въ общемъ удавшейся его попытку установить положительное, плодотворное значеніе московскаго и греческаго просвѣтительныхъ вліяній въ нарожденіи новой православной школы на нашемъ русскомъ западѣ. Онъ внимательно прослѣдилъ самые пути, которыми то и другое шло въ Западную Русь. И если относительно дѣятельности въ Западной Руси Артемія можно бы пожелать большей обстоятельности изложенія, то относительно кн. Курбскаго ему удалось, помимо общаго его просвѣтительнаго значенія въ Западной Руси, установить даже (довольно твердо) фактъ существованія у него въ Миляновичахъ особой школы. Наличность сильнаго грековосточнаго вліянія въ процессѣ нарожденія новой православно-русской школы также установлена авторомъ на основаніи ряда несомнѣнныхъ фактовъ.

Глава VIII заканчивается изображеніемъ того, какъ отмѣченный имъ общій религіозно-интеллектуальный подъемъ отразился на разныхъ членахъ западно-русской православной церкви, и какая внутренняя борьба въ нѣдрахъ этой церкви сопровождала и зарожденіе, и начальный ростъ новой

православно-русской школы. Написана вся глава живо, продумапно, съ яснымъ пониманіемъ дѣла, представляетъ собой вполнѣ надежный фундаментъ для дальнѣйшей научной постройки. Автору, такъ внимательно отнесшемуся въ предыдущихъ главахъ къ латинскимъ и протестантскимъ школамъ интересовавшей его эпохи, и противная сторона не можетъ уже сказать, что онъ вліяніе православной восточной стихіи преувеличилъ въ ущербъ инымъ вліяніямъ по недостаточному знакомству съ этими послѣдними.

Въ главѣ (IX гл.) объ острожскомъ училищѣ г. Харламповичъ прежде всего выясняетъ общее значеніе кн. К. К. Острожскаго въ исторіи православно-русскаго просвѣщенія (въ опроверженіе, между прочимъ, новѣйшихъ попытокъ развѣнчать дѣятельность князя въ этомъ отношеніи), говоритъ о вліяніи (весьма важномъ) на него кн. А. М. Курбскаго и отношеніяхъ его къ первопечатнику Ивану Ѳедорову, и затѣмъ переходитъ къ исторіи открытія имъ типографіи и школы въ Острогѣ. По вопросамъ о времени открытія Острожскаго училища и объ основномъ характерѣ этого училища автору пришлось имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ высказанныхъ уже въ исторической литературѣ взглядовъ и мнѣній и съ цѣлымъ арсеналомъ собранныхъ защитниками ихъ отовсюду доказательствъ. Послѣ тщательнаго разбора и оцѣнки ихъ въ самомъ текстѣ книги (можетъ быть, съ научно-технической точки зрѣнія, лучше бы было сдѣлать это въ примѣчаніяхъ), г. Харламповичъ по обоимъ этимъ вопросамъ примкнулъ къ наиболѣе вѣроятнымъ на его взглядъ мнѣніямъ, давши имъ и свою положительную, какая теперь только возможна, научную мотивировку. Основаніе Острожскаго училища онъ относитъ ко времени около 1580 года и признаетъ его скорѣе всего среднимъ учебнымъ заведеніемъ. Въ главѣ объ Острожской школѣ нашъ авторъ, далѣе, собралъ съ большою тщательностью всѣ, какія только извѣстны, фактическія данныя по столь вообще скудной исторіи ея, до и послѣ смерти ея основателя, стараясь на основаніи ихъ выяснить значеніе этой школы, а также стоявшей въ связи съ нею дѣятельности Острожскихъ ученыхъ вообще въ защиту православной вѣры и церкви. Глава г. Харламповича объ Острожской школѣ не вполнѣ удовлетворяетъ естественной въ читателѣ научной любознательности относительно этой, первой по времени, новой русской православной школы. Во внѣшней исторіи Острожской школы слишкомъ очевидны ничѣмъ не заполненные пробѣлы. Внутренней же исторіи этой школы г. Харламповичъ совсѣмъ не даетъ. Но во всемъ этомъ никакой вины за г. Харламповичемъ нѣтъ. Все, что только можно было разыскать въ печатной литературѣ для внѣшней исторіи Острожской школы, онъ разыскалъ, и не его вина, что фактовъ оказалось недостаточно. Внутренней же исторіи Острожской школы онъ не сталъ излагать, какъ самъ объясняетъ (стр. 254), потому, что не сохранилось ни

одного памятника, относящагося къ ней. Изображать же устройство ея и внутреннюю жизнь на основаніи «Порядковъ» братскихъ школъ (руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что Острожское училище послужило образцомъ для послѣднихъ и что за единство ихъ уставовъ ручается единство ихъ руководителей — грековъ) г. Харламповичъ, по его словамъ, не считалъ себя въ правѣ, въ виду того, что нѣтъ данныхъ для установки факта вліянія Острожской школы на братскія и для опредѣленія сравнительной степени участія грековъ въ устройствѣ той и другихъ школъ... За такую научную осторожность на автора едва ли можно быть въ претензіи. Напротивъ ему можно поставить въ отрицательную заслугу, что онъ очистилъ исторію Острожской школы отъ постороннихъ примѣсей. Положеніе нашего автора въ изслѣдованіи характера и судебъ Острожской школы было тѣмъ труднѣе, что до сихъ поръ въ исторической литературѣ не имѣется сколько-нибудь обстоятельной исторической монографіи о кн. К. К. Острожскомъ. Новыхъ матеріаловъ для исторіи жизни и дѣятельности кн. К. К. Острожскаго наука давно ждетъ отъ разработки волынскихъ фамильныхъ архивовъ, особенно архива Сангушковъ въ Славутѣ (къ сожалѣнію, вполнѣ закрытаго для любознательности ученыхъ). Въ этихъ матеріалахъ, можно надѣяться, многое окажется и для исторіи Острожской школы. Пока же окончательнаго сужденія о ней, о ея значеніи, не можетъ быть, и г. Харламповичъ хорошо сдѣлалъ, что не усиливался напрасно дать то, чего не могъ дать.

X, XI и XII главы о православныхъ братскихъ школахъ представляютъ собой наиболѣе обширную по объему и наиболѣе важную по содержанію часть изслѣдованія г. Харламповича. Въ X главѣ онъ занимается по преимуществу внѣшней исторіей братскихъ западно-русскихъ школъ. Сначала излагается у него общая исторія братскихъ школъ до вступленія на польскій престолъ Владислава IV, при чемъ особенное вниманіе имъ обращено на отношенія къ братствамъ правительства и церковной православной іерархіи. Авторъ тутъ, между прочимъ, подчеркиваетъ стремленіе братствъ монополизировать въ своихъ рукахъ народное образованіе. Относительно этого послѣдняго пункта намъ думается, что, говоря о заявленіяхъ неудовольствія на преобладаніе въ церковно-братской педагогической системѣ свѣтскаго элемента (мірскихъ людей, а не духовенства) онъ напрасно, на ряду съ выраженіемъ неудовольствія Іоанномъ Вышенскимъ, епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и др. епископами, поставилъ заявленія волынскихъ дворянъ о томъ, чтобы «только духовныя лица заводили и содержали училища» (стр. 284—285). Тѣ двѣ инструкціи волынскихъ дворянъ своимъ посламъ на сеймы 1607 и 1609 г., на которыхъ г. Харламповичъ обосновалъ свое сужденіе, вызваны были, по нашему мнѣнію, не неудоволь-

ствіемъ ихъ на братскія школы, а преслѣдованіемъ ими своихъ сословныхъ шляхетскихъ интересовъ, именно желаніемъ воспользоваться доходами митрополичьей и епископскихъ каѳедръ и кіево-печерскаго монастыря для открытія при нихъ школъ для безплатнаго обученія дѣтей обѣднѣвшей шляхты. При изложеніи внѣшней исторіи православныхъ братскихъ школъ г. Харламповичу слѣдовало бы также подольше остановиться на эпохѣ 1606—1609 г. (эпохѣ рокоша), такъ какъ въ эту эпоху впервые сдѣлана была православными попытка поставить вопросъ о своихъ братствахъ и въ частности школахъ при нихъ на почву общаго сеймоваго законодательства. Нѣкоторый матеріалъ для этого можно бы найти въ изданіи г. Рембовскаго, посвященномъ рокошу Зебжидовскаго (Biblioteka Ordynacyi Krasińskich).

Вслѣдъ за общей исторіей братскихъ школъ идетъ у г. Харламповича исторія отдѣльныхъ братскихъ школъ — львовской, виленской, брестской, минской, могилевской, луцкой, кіевской. Въ нашей исторической литературѣ нѣтъ еще полной исторіи возникновенія и развитія западно-русскихъ братскихъ школъ. Польская же историческая литература далеко не удѣлила того вниманія православнымъ братскимъ школамъ, какое она удѣлила школамъ латинскимъ и протестантскимъ. Но хотя общей исторіи братскихъ школъ во всей ихъ совокупности въ исторической литературѣ еще не существуетъ, зато относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ братскихъ школъ успѣла образоваться уже цѣлая спеціальная литература, и притомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимущественно мѣстнаго характера. Каждая изъ болѣе видныхъ братскихъ школъ, это — въ извѣстной мѣрѣ совсѣмъ особый циклъ историческихъ источниковъ и литературныхъ пособій, нашедшихъ себѣ мѣсто подчасъ въ провинціальныхъ изданіяхъ. Заслуга г. Харламповича въ данномъ случаѣ, прежде всего, въ томъ и состоитъ, что онъ изучилъ исторію каждой братской школы въ общей и въ ея спеціальной литературѣ и далъ въ своей книгѣ общій сводъ историческихъ данныхъ о возникновеніи и развитіи западно-русскихъ братскихъ школъ, сведши въ одно результаты работъ отдѣльныхъ изслѣдователей-спеціалистовъ. Наиболѣе полно, какъ и слѣдовало ожидать, изложена у него исторія трехъ наиболѣе важныхъ братскихъ школъ — львовской, виленской и кіевской. Дѣлая свой сводъ историческихъ данныхъ о братскихъ школахъ, г. Харламповичъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣлъ возможность воспользоваться недавно появившимися въ печати новыми историческими памятниками (напр. относительно львовской школы-новѣйшими изданіями львовскаго ставропигійскаго института и кіевской археографической комиссіи). Для исторіи другихъ (виленской, могилевской) ему удалось найти кое-что новое, еще не напечатанное (въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ въ сѵнодскомъ архивѣ и въ архивѣ кіево-печерской лавры, въ ру-

кописной книгѣ Аѳ. Миславскаго). Вездѣ же свою исторію развитія братскихъ школъ онъ излагаетъ послѣ тщательной провѣрки тѣхъ первоисточниковъ, на которыхъ она была построена, внося нерѣдко въ нее изъ тѣхъ же первоисточниковъ новыя, имъ самимъ подмѣченныя, черты. Въ своей исторіи братскихъ школъ г. Харламповичъ не оставилъ безъ вниманія и второстепенныхъ братскихъ и небратскихъ училищъ. На страницы своей книги онъ занесъ всѣ, какія ему только удалось встрѣтить, указанія на православныя школы въ интересовавшую его эпоху. Это и дало ему точку опоры для сужденія о количественной сторонѣ церковно-братскаго школьнаго дѣла, — для сужденія, конечно, не вполнѣ рѣшительнаго (такъ какъ кромѣ извѣстныхъ ему тридцати второстепенныхъ братскихъ и небратскихъ православныхъ школъ, несомнѣнно, существовали и другія, о которыхъ только не удалось до сихъ поръ встрѣтить случайныхъ указаній въ источникахъ), но во всякомъ случаѣ приближающагося къ истинѣ.

Особую главу (XI гл.) г. Харламповичъ посвятилъ дидаскаламъ и ректорамъ братскихъ школъ (Арсенію, архіеп. Еласонскому, Стефану и Лаврентію Зизаніямъ, Кириллу Транквилліону Ставровецкому, Гавріилу Дороѳеевичу, Іову Борецкому, Мелетію Смотрицкому, Леонтію Карповичу, Іосифу Бобриковичу, Кассіану Саковичу, Ѳомѣ Іевлевичу, Сильвестру Коссову, Исаіи Трофимовичу Козловскому, Софронію Почаскому). Еще раньше въ главѣ объ Острожскомъ училищѣ онъ также особый отдѣлъ посвятилъ такъ называемымъ острожскимъ ученымъ (Герасиму Смотрицкому, Кириллу Лукарису, Протосинкеллу Никифору, Іову Княгиницкому, такъ называемому клирику Острожскому, Василію Острожскому, пресвитеру Даміану, Христофору Филалету (Бронскому), Лятошу, іером. Кипріану и др.). О каждомъ изъ дидаскаловъ, ректоровъ и вообще дѣятелей западно-русскаго православнаго просвѣщенія интересовавшей его эпохи г. Харламповичъ даетъ рядъ біографическихъ и библіографическихъ указаній, особенное вниманіе обращая на ихъ школьно-педагогическіе труды. Благодаря тому, что г. Харламповичъ въ свой біографическо-библіографическій очеркъ внесъ полный перечень всѣхъ литературныхъ произведеній дѣятелей западно-русскаго православнаго просвѣщенія (хотя историко-литературнаго анализа ихъ онъ конечно не бралъ на себя, такъ какъ это весьма благодарная тема для особаго изслѣдованія) и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ далъ указатель исторической литературы о тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ она уже имѣется (не исключая и статей малоизвѣстныхъ авторовъ въ провинціальныхъ изданіяхъ), его біографическо-библіографическій очеркъ получилъ характеръ хорошаго справочнаго пособія для занимающихся исторіей не одной церкви, но и литературы западно-русской конца XVI и начала XVII вѣка. Но однимъ подведеніемъ итоговъ и тутъ г. Харлам-

повичъ не ограничился. Уже одно детальное изученіе жизни и трудовъ западно-русскихъ дѣятелей просвѣщенія съ спеціальной, школьно-педагогической точки зрѣнія, должно было внести въ ихъ біографіи рядъ новыхъ, болѣе опредѣленныхъ чертъ, ускользнувшихъ отъ вниманія другихъ изслѣдователей. Съ другой стороны онъ сумѣлъ воспользоваться и такими данными, которыя его предшественникамъ не были извѣстны. Для исторіи, напр., жизни и дѣятельности греческихъ ученыхъ-первоначальниковъ нашей новой школы (Никифора, Кирилла Лукариса и пр.) онъ впервые съ большой пользой для дѣла воспользовался французскимъ изданіемъ Леграна (Bibliographie Hellenique aux XVII siecle). Для біографіи Стеф. Зизанія и виленской братской школы вообще онъ впервые воспользовался документами, напечатанными г. Спрогисомъ въ «Вилен. Вѣстн.» Въ «Литов. Еп. Вѣдомостяхъ» г. Харламповичъ еще ранѣе напечаталъ четыре учебныя рѣчи Леонтія Карповича (изъ сборника Кіево-Софійской библіотеки), вносящія новую черту въ біографію этого дѣятеля братскаго просвѣщенія, и пр.

XII глава посвящена выясненію общаго характера, учебной программы и внутренняго устройства братскихъ школъ. Авторъ прежде всего рѣшаетъ спорный вопросъ объ источникѣ и общемъ характерѣ учебной и воспитательной части братскихъ школъ. Онъ рѣшаетъ его въ пользу греческаго, или восточнаго, учебно-воспитательнаго вліянія, именно въ начальной стадіи развитія братскихъ школъ, отводя впрочемъ извѣстное мѣсто тутъ и инымъ вліяніямъ. Аргументація автора въ пользу такого рѣшенія этого вопроса представляется достаточно убѣдительной. Авторъ, далѣе, не признаетъ одного строго-опредѣленнаго типа братскихъ школъ. Въ частности вліяніе неправославныхъ просвѣтительныхъ стихій онъ представляетъ себѣ не одинаковымъ въ разныхъ братскихъ школахъ и даже въ одной и той же школѣ въ разные періоды ея жизни. Эту свою мысль онъ развиваетъ и аргументируетъ болѣе или менѣе подробно, и при свѣтѣ ея въ учебно-воспитательномъ строѣ братскихъ школъ у него многое проясняется.

Вслѣдъ за общей характеристикой учебно-воспитательнаго строя братскихъ школъ авторъ переходитъ къ самымъ учебнымъ предметамъ, которые въ нихъ преподавались. Онъ говоритъ тутъ о славянскомъ, русскомъ, греческомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ, о діалектикѣ, риторикѣ съ гомилетикой, ариѳметикѣ, геометріи, музыкѣ (церковномъ пѣніи), исторіи и богословскихъ наукахъ. Для обрисовки преподаванія въ братскихъ школахъ каждаго изъ этихъ учебныхъ предметовъ авторъ сдѣлалъ все, что только было можно, справедливо придавая этому пункту своей работы особенное значеніе и съ одинаковымъ вниманіемъ относясь къ каждому изъ учебныхъ предметовъ. Тутъ автору пришлось поработать много и самостоятельно, и

его трудъ увѣнчался успѣхомъ. Его трактатъ объ учебныхъ предметахъ братскихъ школъ — несомнѣнный шагъ впередъ въ общей исторіи внутренней церковно-братскаго школьнаго дѣла. Для лучшей характеристики постановки учебнаго дѣла въ братскихъ школахъ онъ счелъ нужнымъ ознакомиться ближайшимъ образомъ съ учебниками и учебными пособіями, употреблявшимися въ этихъ школахъ, и результаты своего ознакомленія съ ними изложилъ въ особомъ отдѣлѣ своей XII главы. Тутъ у него — очень интересный сводъ историческихъ свѣдѣній о возникновеніи и развитіи первыхъ нашихъ русскихъ учебно-школьныхъ книгъ. Въ особую заслугу автору можно поставить тщательно составленный имъ перечень учебныхъ книгъ по славянскому языку (7 номеровъ) и по богословію (10 номеровъ). Самостоятельное изученіе многихъ учебныхъ и иныхъ, имѣвшихъ примѣненіе въ братскихъ школахъ, книгъ дало въ его распоряженіе не мало важныхъ данныхъ для выясненія постановки въ нихъ учебной части вообще и религіознаго обученія въ частности.

Отъ учебной части г. Харламповичъ въ той же главѣ (XII гл.) переходитъ къ воспитательной и административной части. Педагогіи братскихъ школъ онъ посвятилъ особый отдѣлъ въ этой главѣ. Онъ говоритъ тутъ объ общей организаціи братскихъ школъ, о порядкѣ управленія и завѣдыванія ими, объ условіяхъ пріема въ нихъ учениковъ, о дѣленіи ихъ на классы, о классной дисциплинѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ учителей и учениковъ, о средствахъ содержанія тѣхъ и другихъ и т д. Этотъ отдѣлъ (о педагогіи братскихъ школъ) представляетъ собою также результатъ самостоятельнаго изученія авторомъ всѣхъ сохранившихся уставовъ братскихъ школъ и другихъ современныхъ историческихъ свидѣтельствъ о нихъ. Вообще вся глава о внутреннемъ устройствѣ братскихъ школъ, самая важная и существенная въ изслѣдованіи г. Харламповича, представляетъ собою результатъ его самостоятельной, спеціальной работы, удавшейся ему вполнѣ. Заканчивается эта глава особымъ краткимъ сужденіемъ автора о заслугахъ братскихъ школъ для православной вѣры и церкви, для русской національности и для просвѣщенія Западной Руси. Можетъ быть, было бы не лишнимъ болѣе подробное выясненіе тутъ авторомъ этихъ заслугъ.

Четвертый отдѣлъ книги г. Харламповича посвященъ уніатскимъ школамъ. Вопросъ объ уніатскихъ школахъ въ исторической литературѣ очень мало затронутъ. Для исторіи уніатскихъ школъ г. Харламповичъ нашелъ новые интересные матеріалы, отчасти въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ, отчасти въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки (постановленія базиліанскихъ конгрегацій). Затѣмъ онъ впервые спеціально изучилъ всю печатную литературу первоисточниковъ объ уніатскихъ школахъ интересовавшей его эпохи. Въ распоряженіи автора ока-

зался вообще довольно обильный сырой матеріалъ, и на основаніи этого матеріала имъ написана обстоятельная глава (XIII гл.) объ уніатскихъ школахъ. Сначала онъ сообщаетъ свѣдѣнія о греческой Аѳанасіевской коллегіи въ Римѣ, о семинаріи, учрежденной для русскихъ въ Вильнѣ по совѣту Поссевина, о томъ, какое значеніе вопросъ о школахъ имѣлъ въ эпоху подготовки и введенія церковной уніи. Затѣмъ идутъ свѣдѣнія объ уніатскихъ школахъ брестской и владимірской, и виленской уніатской семинаріи. Далѣе подробно говорится о хлопотахъ митр. Іосифа Рутскаго о поднятіи образованія въ уніатской церкви и результатахъ этихъ хлопотъ (особенно подробно объ отношеніи къ этому дѣлу базиліанскихъ конгрегацій), сообщаются свѣдѣнія объ нѣкоторыхъ учителяхъ уніатскихъ школъ. Наконецъ изображается внутренняя организація этихъ школъ. Вообще исторія уніатскихъ школъ написана авторомъ по той же программѣ, какъ и исторія другихъ школъ. Въ его изложеніи эта исторія такимъ образомъ впервые является послѣдовательно разсказанной, систематически обслѣдованной. Разсказъ автора объ уніатскихъ школахъ въ первыя три десятилѣтія XVII вѣка представляетъ яркую картину жалкаго состоянія образовательныхъ средствъ у западно-русскихъ уніатовъ, только-что оторвавшихся отъ церкви православной и соединившихся съ римскою въ видахъ якобы поднятія духовнаго просвѣщенія въ православной Западной Руси.

Послѣдовательный разборъ всѣхъ отдѣльныхъ главъ изслѣдованія г. Харламповича приводитъ рецензента къ убѣжденію, что оно заслуживаетъ одной изъ премій гр. Уварова.

Apr 1955

3
1980/28

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1902 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*